

шам. «Литературной игры» здесь нет и в помине: акrostих давал информацию об авторе текста, не более. Однако он оставался прозаическим.

Совершенно иную картину находим в новоиерусалимских кантах. Прежде всего необходимо отметить, что канты — результат украинно-польского влияния. Этот жанр был очень статичным, так что мы можем воспользоваться характеристикой, которую дал ему Георгий Конисский уже в следующем столетии: «Лирическая поэзия ведет название свое от лиры ... и есть искусство составлять краткие стихотворения, которые первоначально пелись в честь богов, героев и знаменитых людей, потом прилагаемы были ко всякой материи. Лирики имеют предметом своим радость, торжество, обеты, увещания, похвалы и порицания ... Песни эти называются по-гречески *ὕδαλ*, из коих одни прямо называются одами, другие гимнами, иные — дифирамбами. Гимны суть те, которые содержат хвалы богу и святым...»³³ В Польше XVI—XVII вв. гимны были широко распространены («Арфа духовная» иезуита Лятерны, песни в честь Христа и святых Ст. Гроховского). Из восточнославянских образцов этого жанра наиболее известны творения Димитрия Ростовского.

Песнопения новоиерусалимских иноков — это именно гимны в честь бога и святых, богородицы и двенадесятих праздников. Без церковной службы они вообще не могли возникнуть,³⁴ но прямого отношения к ней не имели. Герман и его сподвижники несколько раздвинули рамки церковной культуры. Они перелагали силлабическими стихами псалмы, для чего требовалась изрядная смелость. Как мы знаем из опыта Симеона Полоцкого, в России это могло показаться посягательством на букву и дух православия. Тем не менее — с точки зрения барочной теории поэзии — за пределы церковной культуры сочинители гимнов не выходили. Авторы, культивировавшие этот жанр, М. К. Сарбевский называл «теологами», а в том случае, если текст гимна имел аллегорический смысл, — поэтами-теологами.³⁵ Разумеется, к русскому материалу этот отзыв должно прилагать с известной осторожностью, помня о специфике литературного движения. М. К. Сарбевский рассматривал стихотворные похвалы богу на фоне развитой героической поэзии (главным образом античной, но также и европейской — ренессансной и барочной) — только она представлялась ему совершенной. Для России XVII столетия этот литературный ряд неприемлем хотя бы по той причине, что в пору основания Новоиерусалимского монастыря (1656 г.) книжной эпической поэзии просто-напросто не было.

В гимнах Германа и других авторов преобладает стихотворный акrostих (на это обратил внимание А. В. Позднеев³⁶): «Плавая водою, / омываема тою, / зря ту умерша, / писаша вирша, / Герман ридая, / поя и вздыхая»; «Герман монах / моляся писах»; «Воскресением / и обновлением / писа веселяся / монах Герман моляся / монах у креста / тем и не преста»; «Блаженному Макарию / Герман моляся вопию»; «Христу пение / и восхваление / Герман писах / поя и скончах»; «День праздника / велия торжества / празднуя писах / Герман ликоваше»; «Во печали воспою / Николая похвалю / ему Герман монах / уповая восписах»

³³ Трудь Киевской духовной академии, 1867, № 1, стр. 83.

³⁴ Гимны Германа на воскресение Христово («Веселия день и спасения днесь» и «Ангельскую днесь вси радость»), в которых использован пасхальный канон, так или иначе связаны с главным храмовым праздником Нового Иерусалима.

³⁵ Maciej Kazimierz Sarbiewski. O poezji doskonałej, czyli Wergiliusz i Homer (De perfecta poesi, sive Vergilius et Homerus). Przełożył Marian Plezia, opracował Stanisław Skimina. Wrocław, 1954, s. 247.

³⁶ А. В. Позднеев. Поэт XVII века Герман (мастер акrostиха), стр. 152—154.